

**Великая Отечественная война 1941-1945 гг. глазами её участников
(по материалам фондов личного происхождения архивного управления
Администрации города Глазова)**

Советский народ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов встал на защиту своей страны, показав образец мужества и верного служения Родине. В этом году наша страна отмечает 75-летие Великой Победы. Чем больше мы отдаляемся от событий тех лет, чем меньше становится участников и очевидцев той страшной войны, тем чаще слышны псевдонаучные заявления о роли Советского Союза в уничтожении фашизма, о правильности принятых стратегических решений военачальников, о законности действий простых солдат и офицеров, освобождавших Европу. Сейчас, когда начинает теряться связь между подрастающим поколением и постепенно уходящими в историю участниками Великой Отечественной войны, особенно важно, чтобы память о воинах-победителях сохранялась, чтобы историческую правду о Победе нашего народа над фашистской Германией знали и не пытались фальсифицировать. Огромную роль в этом играет изучение документов архивных фондов, в числе которых фонды личного происхождения участников-ветеранов Великой Отечественной войны.

В архивном управлении Администрации города Глазова на хранении находятся 11 таких фондов, насчитывающих 4527 ед. хр. Несмотря на значимость всех видов документов, хранящихся в фондах, особую важность имеют воспоминания ветеранов – непосредственных участников тех событий.

Одним из участников войны был Александр Семенович Никулин – Герой РФ, Почётный гражданин г. Глазова. На митинге 9 мая 1994 г. он вспоминал: «1418 дней и ночей бушевало горнило войны. Долгим и трудным был путь к Победе, которая достигнута в результате героизма советских воинов и тружеников тыла. Советский тыл обеспечивал фронт всем необходимым... Я *(от авт.)* участвовал на Степном, Южном, 4-ом Украинском, 1 и 3 Прибалтийском фронтах. Был штурманом, стрелком-радистом... Каждый боевой вылет, а их было 209, по своему остались в моей памяти. Вот один из них. Это было в Донбассе на реке Миус. При выполнении боевого задания наш самолет попал под шквальный зенитный огонь, в результате которого было выведено полностью из строя все вооружение, радиостанция и правое шасси. Я получил контузию и ранение; из 27 осколков 8 ношу в себе и по сей день. В этом бою мне удалось отразить две атаки мессершмидтов. В ходе боевых вылетов лично мною было сбито 5 и 3 самолета противника в групповом полете»¹. За мужество и героизм, проявленные А.С. Никулиным в годы войны, 1 октября 1993 года он получил звание Героя Российской Федерации.

Особый интерес представляют воспоминания Павла Андреевича Каркина, ветерана 208-й Краснознаменной Кенигсбергской стрелковой дивизии, кавалера ордена Боевого Красного Знамени. Работая на мебельной фабрике и являясь санинструктором II ступени, ещё в финскую кампанию Павел Андреевич днём работал на производстве, а ночью выгружал из вагонов раненых. С началом Великой Отечественной войны предприятие стало работать для фронта – было освоено производство лыж. Однако из-за отсутствия необходимого опыта переднюю часть лыж загибали недостаточно, что послужило основанием отнести их к браку и, следовательно, к обвинению в умышленной порче

---

¹ Архивное управление Администрации города Глазова. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

военной продукции. По воспоминаниям П.А. Каркина, только состояние его здоровья позволило избежать штрафной роты². Однако чувство вины в случившемся заставило Каркина покинуть тыл: «...обратился в горвоенкомат, рассказал о случившемся и просил отправления на фронт, чтобы искупить вину перед родиной. Военком удовлетворил мою просьбу, и так я оказался на передовой»³. 2 января 1942 г. он был призван в ряды РККА.

Каркин участвовал в освобождении Волоколамска, Гжатска, Вязьмы, Сычевки. Примечателен следующий эпизод военной биографии Павла Андреевича: «Находясь в обороне в Смоленской области, я находился при ротном штабе. Как-то в одну ночь начальник боевых охранений попросил меня помочь ему сменить пять постов по два человека. Мне предоставили наряд в десять человек. Сменив первый пост, я позволил им идти одним в землянку на отдых. А на посту стояли Садыков из Казани, партийный и его напарник украинец Ковтун Федор. Это у нас было в принципе: ставить на пост одного партийного, а другого беспартийного. И, когда сменив пять постов, я пришел в землянку, то одного там не оказалось. Оказывается с первого поста Ковтун Федор перебежал к немцам: в траве по росе отчетливо были видны его следы. О случившемся доложили комиссару батальона. Последний меня арестовал, закрыв в заброшенную землянку. Дело дошло до Особого отдела, где я обвинялся в предательстве и измене родины. Так как перебежчик Ковтун передал все наши военные секреты, а также расположения наших землянок и огневых точек, то по опыту наши переселились на новое место, а немец бомбил наши заброшенные землянки.

Особый отдел определил меня в расход, как изменника родины, а нашим приказал рыть могилу, и назвал часы и минуты расстрела. На третий день моего ареста, меня два конвоира привели к особисту, который встретил меня с окриком, что видел ли я свою могилу, сказав, что жить мне осталось две минуты, и просил сказать последнее мое слово. С большим трудом я ответил, что не хотел умирать от русской пули, а только от немецкой. Но он ответил, что меня как изменника и предателя родины, уничтожит только русская пуля. Кончил я свое слово, что докладывает старшина медицинской службы Каркин. А особист судил меня как строевого старшину, не зная, что я медик: сказал, что вышла ошибка. Свое первоначальное определение отменил и снял арест. Но я долго не мог взять свой автомат, от страха у меня перестали действовать руки и ноги. В роте тоже горевали, но и встретили потом с объятиями, со слезами радости – по-солдатски»⁴.

Приведём ещё один фрагмент воспоминаний Каркина, описывающий события марта 1942 г., когда произошло одно из героических противостояний с немцами: «Я санинструктор в роте. К нашей роте был придан разведвзвод. Им было дано задание достать языка. Ночью пошли на выполнение задания, а меня взяли как санинструктора на всякий непредвиденный случай. Прошли ничейную полосу и вышли на опушку леса к немцам. 4 человека пошли на захват часового немца, а мы 5 человек остались в резерве. Но наши разведчики попали под засаду, и естественно, началась обоюдная перестрелка. С боями наши отошли, но к нам дошли только трое. И вот командир разведчиков приказал мне, на месте боя найти раненого или убитого солдата. У меня были носилки белые на лыжах, а лыжи – коричневые. Пользуясь темнотою ночи, я пошел искать разведчика на месте перестрелки... Я по дну оврага пошел на место боя, но не раненого и не убитого там не

---

² Архивное управление Администрации горда Глазова. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 3-4.

обнаружил. В поисках своих я делал круги, и немцы, видимо, заметили движение темных лыж на снегу. Меня буквально окружили человек 7 со всех сторон. Носилки на лыжах я оставил и начал отходить к своим. Но с тыла, навстречу мне, заметил немца, и еще двоих, идущих по берегу оврага, а четверо далеко в стороне, видимо, их резерв. Мне со дна оврага их хорошо видно. У меня был автомат и две гранаты, немец, что шел навстречу, уже близко, у меня созрел план для данной обстановки простой, одной гранатой – немца, другой сэкономить для своей кончины. Живым сдаваться не хотел. А им хотелось взять меня живым, потому в меня не стреляли. Шагов 5 до встречи с врагом, я и бросил в него гранату, а сам сразу бросился на снег. Опомившись, нацелил свой автомат на идущих по берегу 2-х немцев, выпалив на них сразу все 70 патронов. Остальные 4 человека стали отходить, они видно думали, что русских тут много, потому что я производил беспорядочную стрельбу. Когда понял я, что путь отхода к своим свободный, я вернулся за носилками, ведь это тоже мое вооружение, но они были так изрешечены пулями, видимо, немцы стреляли по темным лыжам. Так я остался жить в кругу своих»⁵.

Как видно из приведённых отрывков, воспоминания Каркина раскрывают его тяжёлый боевой путь. Тяжёлым он был не только потому, что Павел Андреевич неоднократно находился на грани между жизнью и смертью, но и потому что объявлялся дезертиром, предателем, изменщиком Родины, что для советского гражданина, воина, истинного патриота своего государства было намного страшнее опасности умереть. По этой причине свой Орден Красного знамени Каркин получил не в октябре 1943 года, когда был представлен к награде, а лишь в 1956 г., когда были найдены необходимые оправдательные документы, подтверждавшие его пребывание в госпитале⁶.

Ещё один участник войны, Зот Петрович Рылов, окончил лесной техникум и до войны работал лесничим Кизнерского лесхоза. Особого внимания заслуживает описание подвига, за который З.П. Рылов получил орден Красной Звезды: «Награжден, казалось бы, за не непосредственное участие в боях, а вот награжден. Интересно это еще тем, что случай этот связан с моей, самой мирной специальностью лесоведа. А было так.

Летом 1944 года я был назначен начальником учетно-операционного отдела полевого армейского склада боеприпасов, 1-го Белорусского фронта. Склад находился в полутора километрах от железнодорожной станции «Коростень» Житомирской области, в лесу.

Как-то в один из солнечных дней, где-то в августе месяце 1944 года мы заметили в лесу большой дым далеко от нашего склада. Я доложил об этом майору, предложил проверить опасность для склада. Он посмотрел на дым и махнул рукой – далеко, не опасно. На другой день дым не уменьшился и как будто стал ближе. Я, как лесовод, имеющий уже небольшую практику тушения лесных пожаров и знающий их теорию, снова обратился к майору с настоятельным предложением произвести разведку лесного пожара.

Майор согласился и дал команду выехать верхом на лошадях мне и начальнику пожарного взвода лейтенанту Петрову с отделением солдат с оружием, для предосторожности, так как в это время были частые случаи нападения на военных бандеровцами.

Мы быстро собрались и поехали по дорогам и просекам в сторону дыма. Проехали километров 10 до лесного пожара. Я измерил скорость движения огня, оценил местность,

⁵ Архивное управление Администрации горда Глазова. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-6.

⁶ Там же. Л. 5.

где огонь может встретить препятствие и т.д. и мы спешно и благополучно вернулись в часть. Доложили командиру части о серьезной опасности и примерном времени подхода к складу огня. Майор тут же по телефону доложил зам. командующего 1-го Белорусского фронта. Там приняли срочные меры: приказали коменданту и начальнику железнодорожной станции Коростень остановить первый проходящий воинский эшелон с людьми и привлечь их на предотвращение пожара на арт. складе. Техническое руководство работами, начальником склада было возложено на меня. Более тысячи солдат, вооруженных лопатами, топорами и другим, пригодным для этого инструментом, стали прокладывать, отступая на 20-30 метров от границы склада, вокруг него минерализованную полосу и пускать встречный огонь. И только к подходу лесного пожара к складу, успели закончить работу и остановить движение огня. Этим был спасен склад боеприпасов для фронта в несколько сот вагонов»⁷.

Говоря о воспоминаниях участников Великой Отечественной войны, нельзя не отметить мемуары Ивана Артемьевича Костицына. На действительную военную службу он был призван 16 июня 1941 г. Боевое крещение получил под Ленинградом. После защиты Пулковских высот был контужен. Из госпиталя, затем учебного батальона г. Слободского Кировской области, в мае 1942 г. Костицын был направлен в Калининское военно-пехотное училище. Однако, как известно, в этот период на фронте складывалось сложное положение и по приказу Верховного Главнокомандования курсанты большинства военных училищ были направлены в действующую армию. В августе 1942 года И.А. Костицын был направлен на станцию Савелово, где пополнялась людьми и вооружением вышедшая из окружения 357-я стрелковая дивизия, сформированная в 1941 г. в Удмуртии. Одной из важных проводимых ей операций была Великолукская. «Начиная Великолукскую операцию, - вспоминал Костицын, - мы, рядовые воины, знали, что от освобождения города зависит дальнейшее продвижение армии в Белоруссию и Прибалтику»⁸. Именно поэтому за её ходом следил Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. Район боев, а также войска 357-й дивизии посещал Г.К. Жуков. Вспоминая эпизод боя в Великих Луках, Костицын писал: «Город находился центре обороны немцев Витебск-Ленинград. Все каменные здания немцы превратили в опорные пункты и приспособили для ведения уличных боев, а по реке Ловать, делившей город на две части, вырыли траншеи, всюду проволочные и минные заграждения. В двадцатых числах декабря 1942 года из добровольцев нашего артдивизиона был сформирован небольшой (человек 25) штурмовой отряд. Его возглавил замполит капитан И. Коровин. Нам была поставлена задача: бесшумно войти в город, открыть огонь, поднять панику у немцев и, не ввязываясь в бои, мелкими группами выходить в расположение своих частей. Ночью, легко одетые, в маскхалатах, поползли мы в город. Кто видел Великие Луки той поры, тот никогда не забудет пылающего города. Дым стлался и над Ловатью.

Добрались мы до города удачно, хоть несколько раз сталкивались лицом к лицу с немцами. Они не обращали на нас никакого внимания, принимая, видимо, нас за своих разведчиков. Маскхалаты-то одинакового белого цвета. Тихо разбились на группы по 4-5 человек, рассредоточились на одной из улиц и по сигналу Коровина все одновременно с криками УРА! открыли автоматный огонь. В окна и амбразуры полетели гранаты.

⁷ Архивное управление Администрации горда Глазова. Ф. Р. 492. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-2 об.; Д. 47. Л. 47-52.

⁸ Там же. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Наш налет был настолько неожиданным и дерзким, что немцы, не оказывая сопротивления, в панике бежали. Увлеченные преследованием, мы освободили несколько кварталов. Сняли часового у противотанковой пушки, забросали в блиндаже расчет гранатами и загремели выстрелы по стоящим вблизи машинам...

Немцы вскоре пришли в себя и поняли, что противник малочислен и открыли по нам минометный и пулеметный огонь. Остаться в городе было больше нельзя. Получив сигнал к отходу, мы подорвали захваченное орудие и, под покровом ночной темноты, мелкими группами стали просачиваться через вражескую оборону. В это декабрьское утро не все сумели выйти из города, но поставленную задачу штурмовой отряд выполнил...

Последний штурм крепости начался 15 января, 16.01.1943 г. части 357-й стрелковой дивизии полностью овладели крепостью. Красное Знамя 357-й взвилось над крепостью старинного русского города. Весь личный состав дивизии получил благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Тысячи воинов были награждены орденами и медалями. За освобождение Великих Лук меня наградили медалью «За отвагу». В освобожденных районах области не осталось ни одной деревни, которая не пострадала бы от гитлеровцев. В районе Великих Лук, Новосокольников, Невеля мы видели своими глазами оставшиеся вместо деревень одни только названия на досочке, прибитой к столбу. Даже труб печных не осталось. А под Новосокольниками, где мы стояли в обороне, оставшиеся в живых колхозники жили в землянках. На весенний сев вышли старый и малый. Кто посильнее – впрягался в плуг, остальные поле копали лопатами, а дед с ведерком, повешенным на шею вместо лукошка, сеял рожь. Мы, бойцы батареи, по разрешению командования с большой охотой помогали им – и пахали, и копали, и помогали всем, чем могли»⁹.

Нельзя не отметить, что глазовчане принимали участие в боевых действиях на разных фронтах, в различных частях Советского Союза. А.Д. Золотарев, мобилизованный в ряды Красной Армии в 1942 г., воевал на Волховском фронте и участвовал в обороне Ленинграда¹⁰. Н.А. Верещагин, призванный на войну в сентябре 1942 г., принимал участие в боях на Ленинградском фронте. После демобилизации (с сентября 1944 г. и до окончания Второй Мировой войны) вернулся к работе по своей специальности – преподавал географию в Глазовском учительском институте¹¹. З.П. Рылов, призванный в август 1941 г., воевал в составе 11 армии Северо-Западного, Брянского, 1-го Белорусского фронтов и принимал участие в военных операциях под Старой Руссой, по освобождению Варшавы и взятию Берлина¹². Ф.К. Медведев, призванный в самом начале войны – в июле 1941 г., в июле 1943 г. окончил второе гвардейское минометно-артиллерийское училище реактивной артиллерии в г. Омске. После окончания училища был направлен в действующую армию на Белорусский фронт в 37 гвардейский минометный полк на должность командира взвода¹³.

Таким образом, воспоминания участников войны свидетельствуют о том, что в то тяжёлое время были важны представители как сугубо военных, так и мирных профессий, что Великая Победа ковалась и в крупных сражениях, и в индивидуальных стычках с врагом, и, конечно же, в тылу. Воспоминания ветеранов, содержащие не только факты, но,

⁹ Архивное управление Администрации горда Глазова. Ф. Р. 565. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-4.

¹⁰ Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹² Там же. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

в силу особенности источника, живые эмоции помогают понять и почувствовать роль Человека на войне, важность каждого в достижении единой цели – Победы над врагом. Мемуары участников войны не только знакомят нас с событиями тех лет, но и учат на происходящее сегодня взглянуть по-другому: «Пусть память о войне, страшные страницы пережитого заставят каждого из нас задуматься о сегодняшнем дне, чтобы сохранить Отечество, наше спокойствие и согласие между людьми и народами, чтобы наперекор всем сложностям бытия сердце не оскудело на отзывчивость...»¹⁴.

Начальник сектора научно-справочных документов
архивного управления Администрации
города Глазова

А.Н. Колесникова

---

¹⁴ Архивное управление Администрации горда Глазова. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.